

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук»

На правах рукописи

Сырысева Диана Юрьевна

**МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ
СОВРЕМЕННЫХ ТАТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

Специальность: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов
Российской Федерации

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2023

Работа выполнена в отделе литератур народов Российской Федерации и СНГ
Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт мировой
литературы имени А.М. Горького Российской академии наук»

Научный руководитель:

Бигуаа Вячеслав Акакиевич,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела
литератур народов РФ и СНГ ФГБУН
«Институт мировой литературы им.
А.М. Горького Российской
академии наук»

Официальные оппоненты:

Шафранская Элеонора Федоровна,
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской литературы ГАОУ ВО
«Московский городской педагогический
университет»

Кучукова Зухра Ахметовна,
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литератур
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Ведущая организация:

ГНБУ «Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан»

Защита состоится « 2 » ноября 2023 года в 15.00 часов на заседании
Диссертационного совета Д 24.1.080.03 при ФГБУН «Институт мировой литературы
имени А.М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121069, г. Москва, ул.
Поварская, д. 25А.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБУН
«Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук»:
www.imli.ru

Автореферат разослан « _____ » _____ 2023 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А.Г. Плотникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Магический реализм имеет длительную историю. Он зародился как термин в Германии в середине 1920-х гг., применен искусствоведам и критиком Францем Ро (Franz Roh) для характеристики немецкой, а также европейской живописи 1920-х гг. После перевода книги Франца Ро «*Nachexpressionismus: Magischer Realismus. Probleme der neuesten europäischen Malerei*» («Постэкспрессионизм: Магический реализм. Проблемы новейшей европейской живописи»; Лейпциг, 1925) на испанский язык в 1927 г. термин начинает приобретать популярность среди интеллектуальных кругов Европы¹, использоваться для характеристики художественных произведений. Смысловая наполненность понятия обсуждалась и в русской эмигрантской среде. Например, в 1932 г. в парижском журнале «Числа» (№ 6) С. Шаршун напечатал статью «Магический реализм», в которой представлял «магический реализм» как тенденцию в мировой литературе, в том числе русской, приводил имена Г. Газданова, В. Набокова, Е. Замятина и др. А у истоков «магического реализма», по мнению писателя, стоит Н. Гоголь. Не все представители русской эмиграции разделяли точку зрения С. Шаршуна. Ответную статью под названием «Магический реализм» опубликовал А.Л. Бем в журнале «Молва» (2 октября 1932 г.), издававшемся в Праге. Он обвинил С. Шаршуна в незнании литературы «метрополии», т. е. советской, «разнообразия и многосложности» литературы русской эмиграции.

Интерес к теоретическим проблемам магического реализма возрос во второй половине XX в., с 1970-х гг., особенно в наше время. Он прежде всего связан с «взлетом» латиноамериканской прозы. Действительно, наибольшее воплощение магический реализм получил в латиноамериканской прозе (в романе, повести и рассказе) конца 40-х гг. – 70-х гг. XX в. Магический

¹ Кофман А. Проблема «магического реализма» в латиноамериканском романе // Современный роман: опыт исследования. М.: Наука, 1990. С. 186.

реализм в литературоведении и критике воспринимается как определенное литературное течение (в узком смысле), в «широком – как имманентная константа латиноамериканского художественного мышления и общее свойство культуры континента»². Среди представителей этого течения – Алехо Карпентьер, Хулио Кортасар, Габриэль Гарсиа Маркес, Мигель Анхель Астуриас, Хорхе Луис Борхес, Хуан Рульфо, Карлос Фуэнтес, Марио Варгас Льюса, Аугусто Роа Бастос и др.

Существуют разные точки зрения о путях формирования магического реализма в литературах народов Латинской Америки и его особенностях. По мнению исследователя испаноязычной литературы Латинской Америки А.Ф. Кофмана, «поэтика и художественные принципы» магического реализма в латиноамериканской литературе «сложились под влиянием европейского авангардизма»: «У авангардистов, главным образом сюрреалистов, латиноамериканские писатели заимствовали некоторые принципы фантастического преобразования действительности. Вместе с тем европейский абстрактный “дикарь” обрел в произведениях» латиноамериканского магического реализма «этнокультурную конкретность и явственность; концепция разных типов мышления была спроецирована в плоскость культурного, цивилизационного противостояния Латинской Америки и Европы; сюрреалистический сон сменился реально бытующим мифом. При этом латиноамериканские писатели опирались не только на индейскую и афроамериканскую мифологию, но на традиции американских хроник XVI-XVII вв. с их обилием элементов чудесного»³.

А.А. Гугнин, рассуждая об особенностях магического реализма, писал: «В обязательный набор признаков магического реализма входят антиутопичность, антипрагматизм, антиидеологизм и антидогматизм. В рамках магического реализма вступают в диалог все исторические типы

² Кофман, А.Ф. Магический реализм латиноамериканский // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. Ст. 492.

³ Кофман, А.Ф. Магический реализм латиноамериканский // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. Ст. 492.

человеческого сознания: синкретические (*миф*, фольклор), рациональные, иррациональные, религиозные, атеистические, мистические. Для магического реализма весьма характерно преодоление европоцентризма и национализма. Магические реалисты стремятся выйти за рамки европейского типа цивилизации, европейского мировидения, синтезировать мировой опыт»⁴.

Нет сомнения, что латиноамериканская проза магического реализма стала значительным художественно-эстетическим явлением и со второй половины XX в. оказывает влияние на мировой литературный процесс.

В Европе и США было издано немало исследований, посвященных магическому реализму в латиноамериканской литературе, а также других литературах народов мира. В 1995 г. в Лондоне был издан сборник статей о магическом реализме, его особенностях, связях с классическим реализмом и другими литературными течениями – «Магический реализм: теория, история, общность» («Magical realism: theory, history, community»).

В отечественном литературоведении в последние 2–3 десятилетия изучением магического реализма занимались ученые-латиноамериканисты, теоретики и историки литературы: А.А. Гугнин, В. Кутейщикова, Л. Осповат, И. Тертерян, В.Б. Земсков, А.Ф. Кофман, Д.М. Урнов и др. Исследователи А.В. Биякаева, К.Н. Кислицын, Е.Г. Маслова, М.Н. Панчехина, Н.З. Шамсутдинова рассматривали магический реализм на материале разных литератур в своих диссертационных работах.

Магический реализм, как отмечает О.А. Овчаренко, «давно уже стал интернациональным явлением, но его национальные варианты могут отличаться своей спецификой»⁵.

В целом магический реализм использует разнообразные техники и приемы, создавая особыми средствами сверхреальность, третью реальность, ведет неоднозначный культурный диалог как с национальными, так и с

⁴ Гугнин А.А. Магический реализм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. Ст. 491.

⁵ Овчаренко О. Магический реализм (продолжение) // Теория литературы: в 4 т. Т. IV: Литературный процесс. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 440.

мировыми традициями, становится средством описания и познания мира с позиции иной и чужой культуры. Об этом свидетельствуют и прозаические произведения русскоязычных татарских писателей – Салавата Юзеева, Шамиля Идиатуллина, Альбины Нурисламовой (А. Нури), Гузели Яхиной, Рустема Сабирова.

В связи с исследованием особенностей традиции магического реализма в романах, повестях и рассказах русскоязычных татарских писателей актуализируются теоретические проблемы этнокультурного и литературного пограничья, в условиях которого диалог «своего» и «чужого» неизбежен. Диалог, как правило, многогранен, происходит в контексте мировой культуры и литературного процесса.

Исследование творчества писателей, в поэтике произведений которых можно найти черты эстетики и поэтики магического реализма, дают возможность рассмотреть проблему диалога различных культурных и литературных традиций.

Актуальность темы исследования. В отечественном и зарубежном литературоведении немало написано о проблемах магического реализма в литературе, этнокультурного и литературного пограничья, билингвизма, творчестве русскоязычных писателей Российской Федерации, в том числе татарских.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью восполнить пробел, вызванный слабой изученностью теоретических проблем магического реализма в отечественном литературоведении, истоков магического реализма в литературах народов Российской Федерации, особенностей функционирования традиций магического реализма в русскоязычной прозе современных татарских писателей.

Степень разработанности темы исследования. Литературоведы уделяли внимание творчеству Г. Яхиной и Ш. Идиатуллина, что, скорее всего, связано с большей степенью известности этих авторов. Г. Яхина и Ш. Идиатуллин являются лауреатами престижных литературных премий

(например, лауреатами премии «Большая книга», а также ряда других). Роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» был экранизирован в 2019 г. О сказочном хронотопе, магическом топосе хутора, о фольклоре в романе Г. Яхиной «Дети мои» писали Э.Ф. Шафранская, А.Н. Набиуллина, О.А. Лисенкова. Язык романа «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной, кинематографическая техника, фольклорная образность были рассмотрены литературоведами Т.М. Богумил, О.В. Побивайло, Д.А. Щукиной и др. На романы Г. Яхиной и Ш. Идиатуллина написано много рецензий и отзывов. И.А. Еникеев обзорно охарактеризовал творческий путь Р. Сабирова в монографии «Казанская русскоязычная литература (1960–2000)». О творчестве С. Юзеева, а именно о романе «Не перебивай мертвых», писала в двух статьях Г. Зайнуллина. Можно говорить о том, что тексты писателей актуальны для исследования, вызывают интерес, однако существующие литературоведческие и критические работы носят локальный, точечный характер, в них не проводился анализ использования магического реализма указанными авторами.

Объектом исследования является творчество современных русскоязычных татарских писателей – Салавата Юзеева, Рустема Сабирова, Шамиля Идиатуллина, Альбины Нурисламовой (А. Нури), Гузели Яхиной.

Предмет исследования – специфика функционирования и художественная реализация магического реализма в современной русскоязычной татарской прозе.

Цель и задачи работы. Основная цель работы – рассмотреть особенности поэтики магического реализма в прозе современных русскоязычных татарских писателей (С. Юзеева, Р. Сабирова, А. Нурисламовой, Ш. Идиатуллина, Г. Яхиной).

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) выявить черты магического реализма в прозе русскоязычных татарских писателей;

2) проанализировать жанрово-стилистические особенности прозы современных русскоязычных татарских писателей;

3) обосновать принадлежность произведений С. Юзеева, Р. Сабирова, А. Нурисламовой, Ш. Идиатуллина, Г. Яхиной к литературному направлению магического реализма;

4) выявить влияние кино, музыки, живописи на поэтику произведений;

5) рассмотреть вопрос о месте творчества русскоязычных татарских писателей в литературном процессе Татарстана в контексте проблем этнокультурных и жанровых границ

Материалом диссертационного исследования послужили романы С. Юзеева «Не перебивай мертвых»; Ш. Идиатуллина «Последнее время»; А. Нурисламовой (А. Нури) «Пассажир своей судьбы», «Пятый неспящий», «Черные души праведников», «Тот, кто стоит снаружи», «Погребенные за мостом», «Плачущий лес»; Г. Яхиной «Дети мои», «Зулейха открывает глаза»; также малая проза С. Юзеева (повесть «Сквозняк тишины», цикл «Казанские сказки») и Р. Сабирова (рассказы «Гравер», «Бездна», «Окно», «Метельная арка», «Поселок Шуган», «Веретено»).

Теоретическая основа. Теоретической базой диссертационной работы послужили труды как отечественных, так и зарубежных исследователей, посвященные феномену магического реализма: В.Б. Земскова, А.Ф. Кофмана, А.А. Гугнина, И. Тертерян, Д.М. Урнова, Ю.Н. Гирина, В. Кутейщиковой, К.Н. Кислицына, Л. Осповата, А.В. Биякаевой; Ф. Ро (F. Roh), М. Шеффеля (M. Scheffel), Торстена В. Ляйне (Torsten W. Leine), Г.Х. Шранц (H.C. Schranz) и др.; работы Д.Д. Фрэзера, Б. Малиновского, А. Кардека, Папюса, Б. Фаликова, Е.В. Белоусовой, С.Е. Гречишникова, Ю.В. Ермолиной, в которых магия рассматривается как неотъемлемая характеристика развития общества, отражение определенных общественных интенций и умонастроений. Пристальное внимание обращено на труды М.М. Бахтина, В.С. Библера, В.Б. Земскова, Ф. Аинса, К.К. Султанова, С.С. Имихеловой, Н.М. Лейдермана, Ю.Г. Нигматуллиной, посвященные

проблематике диалога культур, цивилизаций, этнокультурного и литературного пограничья; работы В.П. Семенова-Тян-Шанского, С.И. Дмитриевой, Н.Н. Беспмятных, Н. Рымаря, Ю. Лотмана, Ю.Я. Барабаша, К.К. Султанова, А. Ассман, в которых поднимались вопросы, связанные с пограничьем.

Большой пласт исследовательской литературы посвящен проблематике синтеза искусств (Л.Л. Гервер, А.Е. Махов, Д.В. Кротова, И.А. Мартьянова, Ю.М. Лотман, Ю.М. Тынянов, Ю. Кремлев, Н.В. Злыднева, Б. Кац, Н.М. Мышьякова, С.А. Макарова и др.). Отдельно следует выделить труды о татарской литературе на родном языке и русскоязычной татарской литературе – работы И.А. Еникеева, М.Н. Ибрагимова, Д.Ф. Загидуллиной, В.Р. Аминовой, Ю.Г. Нигматуллиной, Л.Н. Юзмухаметовой, А.Н. Набиуллиной и др.

Методы исследования. Для решения поставленных задач в диссертационной работе использованы методы исследования: сравнительно-типологический, сравнительно-исторический, культурно-исторический, системно-структурный, описательный, формальный, мифологический (мифопоэтический).

Научная новизна. Впервые в ходе исследования:

- творчество писателей (особенно Р. Сабирова, С. Юзеева, А. Нурисламовой /А. Нури/) введено в научный оборот;
- выявлены черты и особенности магического реализма в современной русскоязычной прозе татарских писателей;
- рассмотрены средства выразительности, использующиеся в произведениях для репрезентации магической реальности;
- показана реализация возможностей синтеза искусств применительно к художественным текстам данных писателей;
- показан апеллирующий к различным мировым традициям характер магического реализма русскоязычной прозы современных татарских писателей.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке понятия «магический реализм», выявлении его основных черт и признаков; также продемонстрированы возможности применимости понятия «магический реализм» к творчеству современных русскоязычных татарских писателей. Теоретические положения и выводы могут быть использованы в рамках литературоведческой компаративистики при сравнительном анализе поэтики магического реализма в литературах народов Российской Федерации и ближнего и дальнего зарубежья.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования рассмотренных материалов в изучении феномена русскоязычных национальных писателей Российской Федерации и ближнего зарубежья. Материалы исследования могут быть применены при разработке курсов по теории литературы и истории литератур народов Поволжья, спецкурсов, посвященных истории художественных направлений, стилей и течений XX–XXI веков.

Положения, выносимые на защиту:

1. В творчестве современных русскоязычных татарских писателей обнаруживаются такие черты поэтики, как усложнение хронотопа, возрастающая роль рекурсивной повествовательной техники, конструкций «текст в тексте», реализация идей синтеза искусств, использование особой образности, наделенной магическим смыслом, мортальная тематика и проблематика, интерес к другим культурным мирам. Наличие этих черт позволяет отнести эти произведения к направлению магического реализма.

2. Особую значимость для интерпретации прозы русскоязычных национальных писателей приобретает понятие межкультурного диалога, благодаря которому происходит усложнение художественной картины мира, создаваемое в этих произведениях через обращение к национальным традициям на идейно-образном, тематико-сюжетном, формально-композиционном уровнях.

3. В произведениях русскоязычных татарских писателей реализуются различные стратегии включения фольклорно-мифологической составляющей в художественную канву произведения, например, посредством использования рекурсивной повествовательной техники, конструкции «текст в тексте», онейрического начала, которые связываются с традициями мировой литературы.

4. Своеобразие магического реализма современных русскоязычных татарских писателей заключается в тяготении поэтики к синтезу различных видов искусств, а именно кино, музыки, живописи, что проявляется на разных уровнях произведения.

5. В прозе С. Юзеева и Р. Сабирова, затрагивающей национальную и историческую проблематику, использование танатологического кода дает возможность для актуализации традиций восточных и западных литератур, а также включения религиозных и сказочно-мифологических мотивов.

6. В романах А. Нурисламовой проблематика смертности находит выражение как на уровне композиционной структуры произведения, так и на уровне художественной образности (мотивы сказочного путешествия, присутствия магических сил в окружающей действительности и др.). Реализация сербского текста в романах А. Нурисламовой через введение в художественную канву произведений специфических деталей быта, образов фольклорных персонажей, характерных для балканской мифологии, особого географического, культурного пространства актуализирует антивитальную направленность в поэтике магического реализма.

7. Историческая тематика и проблематика в произведениях С. Юзеева, Ш. Идиатуллина, Г. Яхиной реализуются с особой сказочной имманентностью. Обращение к исторической памяти в романах Г. Яхиной дает возможность преодоления болезненного травматического опыта предыдущих поколений как в индивидуально-личной, так и в национально-общественной перспективе.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования в форме доклада были представлены на Всероссийской научной конференции «Национальные картины мира в литературах и фольклоре народов Российской Федерации» (Москва, 2021); Межвузовской научно-практической конференции «Трансформация “образа человека” в европейской и американской литературе XIX–XXI веков» (Москва, 2021 г.); XI Ежегодной научной конференции аспирантов и молодых ученых «Научные школы Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН: к 90-летию ИМЛИ» (Москва, 2022); Всероссийской научно-практической конференции «Буддистская тема в русской литературе» (Москва, 2022); V Международной конференции молодых ученых «Пространство и время в русской литературе и философии» (Москва, 2022); Международной научной конференции «Фольклорные и литературные традиции: вчера, сегодня, завтра» (Москва, 2022), Третьей Международной научной конференции «Rossica. Русская литература в мировом культурном контексте. Скрещивание взглядов» (Москва, 2022); Международной научной конференции «Русский язык и русская литература в цифровую эпоху» (Москва, 2022); Международной научной конференции «Национально-культурные коды мировой литературы в контексте аудиовизуальных практик искусства» (Нижний Новгород, 2022).

Всего по теме диссертации опубликовано 13 статей, из них 4 – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура и содержание работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дано обоснование выбора темы исследования, ее актуальности, научной новизны, практической значимости работы; определены цели и задачи, методология, формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Магический реализм как литературное направление» состоит из четырех параграфов.

Параграф 1.1. «Franz Roh “Nach-Expressionismus: Magischer Realismus. Probleme des neuesten europäischen Malerei”»: становление понятия “магический реализм”» посвящен рассмотрению книги немецкого теоретика искусства Франца Ро, который попытался теоретизировать понятие «магический реализм» применительно к европейскому искусству 1920-х годов.

Франц Ро обосновывает не только специфическое понимание искусства, вводит новейшую живопись Германии и других европейских стран (Италия, Франция) в исследовательский оборот, но и делает попытку обосновать специфику новейшего искусства, его отличие от искусства предыдущего периода. Введенные им представления (экзистенциальное понимание смертного начала как определяющего, специфика понимания чуда как торжества рациональности, дихотомии, характеризующие экспрессионизм и постэкспрессионизм/магический реализм и др.) получили развитие не только в экзистенциальной философии, но и в творчестве различных писателей.

Параграф 1.2. «Магия: краткая характеристика понятия и его интерпретации». В данном параграфе рассматривается понятие магии, также функционирование магии в различных сообществах на протяжении многих времен.

Показывается, что понятие «магия» может быть интерпретировано с различных точек зрения (антропологической, эзотерической, философской).

Антропологическая точка зрения связывает понятие «магия» с религиозными, обрядовыми представлениями примитивных, первобытных народов или тех народов, которые по восприятию интеллектуала, обладающего европейским сознанием, находятся на более низшей ступени развития общественных отношений и представлений. Фрэнк Байрон Джевонс, пытаясь охарактеризовать восприятие первобытным человеком Вселенной и окружающего пространства, его слабость и бессилие перед жестокостью мира, ввел метафору мастерской, сложного механизма, для познания и понимания которых человек должен непрерывно прилагать усилия⁶. Джеймс Джордж Фрэзер, посвятивший большое исследование различным ритуально-обрядовым практикам народов мира, выявил разновидности магических действий и предложил схему развития человеческих представлений о мире, которые обобщенно могут быть описаны схемой магия-религия-наука⁷. Бронислав Малиновский, разделявший магию и религию, предписывал магии важные социальные функции, а именно культурную, связанную с передачей опыта, сложившегося обряда через поколения, а также с культурной и исторической памятью⁸.

Эзотерическая точка зрения состоит в том, что магия дает возможность волевому, духовно сильному человеку при помощи своей ментальной энергии, каких-либо ритуалов и практик воздействовать на окружающую природу и материалы⁹. Представления о мистическом, тайном знании колдуна, мага отражались в различных эзотерических доктринах Запада (А. Кардек¹⁰, Папюс¹¹) и Востока (суфизм, сахиры¹²).

⁶ *Jevons F.B.* An introduction to the History of Religion. London, 1896. 444 p.

⁷ *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: исследование магии и религии / Пер с англ. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. 703 с.

⁸ *Малиновский Б.* Магия, наука и религия / Пер. с англ. А.П. Хомика. М.: Академический проект, 2015. 298 с.

⁹ *Бубличенко М.* Большой эзотерический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 381 с.

¹⁰ *Кардек А.* Книга Медиумов. М.: Издательство «Ренессанс» СП «ИВО-СиД», 1993. 486 с.

¹¹ *Папюс.* Первоначальные сведения по оккультизму. М.: РИПОЛ классик, 2005. 416 с.

¹² *Хасан М.* Магия аль-Буни и тайное имя Бога. М.: ТД Велигор, 2019. 192 с.

Согласно философской точке зрения, в современности отмечается явление «магического ренессанса»¹³, при котором возрастает интерес к различным оккультным практикам, а сам мир начинает трактоваться через призму магичности, что связывается с кризисом и дезориентированностью человека в окружающем пространстве и социуме. Е. Белоусова выделяет 4 группы причин возникновения «магического ренессанса»¹⁴. Интерес к тайным наукам испытывали представители различных конфессий, но магические способы, техники и практики различались.

Параграф 1.3. «Магический реализм в отечественных исследованиях». В параграфе рассматриваются исследования, в которых магический реализм подвергался анализу, с одной стороны, как художественная система, так или иначе проявляющаяся в произведениях писателей, с другой стороны, как особая форма восприятия действительности, связанная с особой чудесностью различных цивилизаций и культурных миров («чудесное» в Латинской Америке).

В отечественных исследованиях понятие «магический реализм» возникает в 1930-х гг. (статьи С. Шаршуна «Магический реализм», А.Л. Бема «Магический реализм»), однако широкое распространение и обоснование получает во второй половине XX века. Отмечается амбивалентность понятия «магический реализм», сложность его интерпретации, противоречивость наполнения понятия. Магический реализм связывается с наличием некоего мифологического, фольклорного компонента, который по-разному может реализовываться в произведении, также с некоторой экзистенциальной направленностью. Начиная с 2000-х годов, в отечественных литературоведческих исследованиях акцентируется внимание на особенности поэтики магического реализма (признаки, черты, параметры).

¹³ *Стеглянников В.Ю.* Магический ренессанс: феномен магии в современной культуре // Известия Высших Учебных Заведений. Северо-Кавказский регион. Общественный наук. Спецвыпуск «Основные аспекты философских и культурологических исследований». 2007. С. 38–41.

¹⁴ *Белоусова Е.В.* Магия как форма жизни и способ «приручения» мира в культуре. Автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2011. 20 с.

Параграф 1.4. «Магический реализм в зарубежных исследованиях». В зарубежных исследованиях магический реализм интерпретируется либо через описание его признаков и характерных черт, либо вписывается в социально-культурный контекст. Если одни исследователи соотносят магический реализм с продолжением и тонким спором с модернистской традицией письма¹⁵, то другие указывают на его связь с поэтикой и эстетикой постмодернизма¹⁶.

Глава 2 «Этнокультурное и литературное пограничье: теоретический дискурс. Синтез искусств в культуре и литературе» состоит из семи параграфов.

Параграф 2.1. «Граница и пограничье: краткая характеристика понятий» посвящен рассмотрению вопросов, связанных с понятиями граница и пограничье.

Проблематика пограничных исследований, изначально носившая в отечественной традиции прикладной характер изучения влияния географического фактора на взаимодействие различных групп населения в данном регионе, также на размежевание административно-территориальных единиц (работы В.П. Семенова-Тян-Шанского¹⁷), позднее стала интерпретироваться более широко. Граница стала рассматриваться как с точки зрения философской категории (разделение Чужого–Другого /Иного/–Своего пространства; категории инаковости), так и входит в круг литературоведческих исследований (работы М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Н.Н. Беспмятных и др.).

¹⁵ *Werner Herzog*: Geschichtliche und geographische Hintergründe im Werk “Hundert Jahre Einsamkeit” von Gabriel García Márquez // *Iberoamericana* 1, 1979. S. 68–77. *Torsten W. Leine*: Magischer Realismus als Verfahren der späten Moderne. Berlin-Boston, 2018. 254 s. *Scheffel M.* Magischer Realismus. Die Geschichte eines Begriffes und ein Versuch seiner Bestimmung. Tübingen: Stauffenburg-Verl., 1990. 194 s.

¹⁶ *Faris Wendy B.* Scheherazade’s Children: Magical Realism and Postmodern Fiction // *Magical realism: theory, history, community* / edited, with an introduction, by Lois Parkinson Zamora and Wendy B. Faris. – Durham&London, Duke University Press, 1995. P. 163–190. *Hermine Christiane Schranz*: “Von Magischen Realisten und Weißen Tigern”. Die Entwicklung der indo-englischen Literatur nach Salman Rushdie’s *Midnight’s Children*. Wien, 2009. 200 s.

¹⁷ *Семенов-Тян-Шанский В.П.* Район и страна. Москва-Ленинград: Государственное изд-во, 1928. 314 с.

Параграф 2.2. «Русскоязычная литература: интерпретации явления». Явление русскоязычной литературы, вызывающее споры и неоднозначные оценки, рассматривается, с одной стороны, как феномен пограничной литературы, аккумулирующей в себе, как минимум, наследие двух различных литератур (русской и национальной), а как максимум, наследие всей мировой литературной и фольклорной традиций, с другой стороны, как возможность показа сложного взаимодействия типов культур и цивилизаций, которые могут иметь общие точки пересечения (например, близость культур и цивилизаций Латинской Америки и России, показанная в работе Я.Г. Шемякина¹⁸).

Параграф 2.3. «Текст в тексте: особенности функционирования художественной структуры». Преломлением реализации проблематики границы и пограничья в текстологическом аспекте может выступать проблематика, связанная со структурой «текст в тексте», имеющей сложное внешнее и внутреннее наполнение, вызванное взаимодействием нескольких кодов прочтения и толкования. В параграфе рассматриваются теоретические работы, связанные с конструкцией «текст в тексте» (Ю. М. Лотмана, Е.Г. Трубецкой, О. Б. Грязновой), рамочными построениями (Н. Т. Рымаря), восточной обрамленной повестью (Б.В. Томашевского, П.А. Гринцера, Х.Ю. Миннегулова и др.). В качестве примера возможностей «текста в тексте» в современной русскоязычной национальной литературе приводится повесть якутского автора Н.Е. Дьячковой «Исповедь исчезнувших», которая не только использует наследие традиций сложного сюжетостроения (совмещения различных пространственно-временных планов, точек зрения, голосов рассказчиков и т. п.), но и преисполняется экзистенциальным восприятием окружающей действительности.

Параграф 2.4. «Понятие “синтез искусств в культуре”». Синтез искусств, являющийся точкой пересечения нескольких разных видов

¹⁸ Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001. 391 с.

искусств, может рассматриваться как в связи с пониманием структуры «текст в тексте», так и в связи с пониманием границы и пограничья, поскольку синтез предполагает объединение, преодоление различных границ, понимаемых широко.

Параграф 2.5. «Музыкальность литературного текста». В параграфе более детально рассматривается возможность реализации синтеза искусств через музыкальный код, так или иначе функционирующий в произведении, как на уровне макропоэтики (лейтмотивная и мотивная организация произведений, структура художественного произведения соотносима со структурами музыкальных произведений), так и на уровне микропоэтики (образы, связанные с музыкальностью и т. п.).

Параграф 2.6. «Кинематографичность литературного текста». В параграфе кратко рассматриваются идеи, связанные, как с развитием кинематографа, так с соотносимостью кино и театра, кино и литературы (Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов, Л. Андреев и др.). Кинематографичность литературного текста интерпретируется в соответствии с концепцией И.А. Мартьяновой¹⁹. Появление кинематографичности текста может быть обусловлено не столько «самой потребностью автора динамизировать изображение наблюдаемого, столкнуть, остранить его фрагменты в монтажном сопряжении», сколько «желанием руководить восприятием читателя-зрителя»²⁰. Парадоксальность кинематографичности проявляется в том, что она «не мотивирована непосредственно положительным или отрицательным отношением писателя к кинематографу, большее значение имеют сценарность и монтажность его мышления»²¹.

Параграф 2.7. «Живописное начало литературного текста». В параграфе речь идет о соотношении живописи и литературы, чему посвящены труды В.Н. Альфонсова, Н.В. Злыдневой, А. Флакера. Более подробно

¹⁹ Мартьянова И.А. Кинематограф русского текста. СПб.: Свое издательство, 2011. 237 с.; Мартьянова И.А. Киновек русского текста. СПб.: Сага, 2002. 236 с.

²⁰ Мартьянова И.А. Кинематограф русского текста. СПб.: Свое издательство, 2011. С. 7.

²¹ Мартьянова И.А. Кинематограф русского текста. СПб.: Свое издательство, 2011. С. 16.

рассматривается понятие экфрасис, возможности экфрастической образности, которая по-разному может проявляться в художественной канве произведения (М. Рубинс, Л. Геллер, В. Лепяхин, М. Константины и др.).

Глава 3 «Творчество Салавата Юзеева и Рустема Сабирова. (Поэтика. Стилистика. Традиции литератур Востока и Запада)» состоит из четырех параграфов.

Параграф 3.1. «Роман С. Юзеева «Не перебивай мертвых»: особенности поэтики, эстетики и стилистики» посвящен рассмотрению романа писателя. Роман С. Юзеева «Не перебивай мертвых» основан на событиях национальной и общемировой истории, а также соотносится с фольклорной и иными литературными традициями. Сложное соединение образов татарской мифологии, языческих существ (Албасты, Мать воды, Шурале, призраки) и правдоподобного реалистического описания происходящих событий дает возможность говорить о наличии в романе «Не перебивай мертвых» черт магического реализма. Сложная композиционная структура романа, напоминающая, с одной стороны, о восточной «обрамленной повести», а с другой стороны, о модели «текста в тексте» (Ю.М. Лотман) и рекурсивной художественной техники, и изысканная художественная образность (образы лодки, лестницы, снов, предсказаний) позволяют выделить в романе черты восточного повествовательного дискурса, а именно черты литературных традиций суфийских дервишей. Приоритетным для С. Юзеева становится субъективное, личное восприятие «тайной сердцевины» происходящих событий, изображенных в сложном соединении документально-исторического, философско-психологического и мифопоэтического, фантастического планов.

Междисциплинарный характер творчества С. Юзеева, его работа в кино, профессиональная привычка соотносить вербальный, визуальный и звукоряд дает возможность для рассмотрения романа «Не перебивай мертвых» в контексте синтеза искусств. На С. Юзеева – романиста, повлиял киноязык, особая кинопоэтика, элементы которых и их влияние

проанализированы в исследовании как на уровне отдельного эпизода, так и на уровне архитектоники всего текста. Музыкальное начало во многом определяет сюжетно-композиционную структуру, мотивную систему, необычную «ритуально-заклинательную» интонацию и насыщенную образность романа. Живописное начало дает возможность рассмотреть проявление «риторики эпохи», особое чувство цветовой гаммы и цветописи.

Параграф 3.2. «Малая проза Салавата Юзеева. Повесть “Сквозняк тишины”» посвящен характеристике как малой прозы писателя, так и более подробному анализу повести «Сквозняк тишины», в которой дихотомия звук-тишина становится определяющей и доминирующей на всех уровнях художественной структуры произведения. Нужно отметить, что в современных исследованиях культурологического характера рассматривается феномен тишины и молчания, например, работа Алена Корбена «История тишины от эпохи Возрождения до наших дней»²². Образ тишины в повести представляется амбивалентным: он связан со светлыми началами жизни (поиск истины, творчество писателя, народные предания о величественном прошлом, память) и противоречивым, опасным миром реальности (забвение нравственных ценностей, искажение времени, связь с миром мертвых). Однако в заглавие выносится именно Сквозняк Тишины, образ, который, как можно предположить, более адекватно передает состояние современного мира и человека. Поэма Тишины остается фантазией писателя, недостижимым, практически утраченным идеалом.

Синестезия названия повести С. Юзеева подчеркивает необычную смысловую наполненность понятия «тишина» и настраивает на восприятие текста не столько как повествования о земных мытарствах и приключениях героев, сколько как описание их пути к высшему знанию. Значительное место и роль образа тишины в повести татарского прозаика дает возможность согласиться с мнением М.Н. Эпштейна о том, что «тишина не имеет автора,

²² Корбен А. История тишины от эпохи Возрождения до наших дней / Перевод с франц. О. Поляк. Москва: Текст, 2020. 141 с.

она, в отличие от молчания, есть состояние бытия, а не действие, производимое субъектом и относящееся к объекту»²³.

Параграф 3.3. «Цикл “Казанские сказки” С. Юзеева» посвящен рассмотрению цикла «Казанские сказки», в котором переосмысляются и используются национальная и русская фольклорные сказочные традиции, а также традиции сказки литературной (авторской). Содержательная специфика сказочного цикла С. Юзеева – переосмысление и фантастическое преломление реальных трагических событий истории (казанские походы Ивана Грозного 1545–1552 гг.). Далекая от действительности счастливая для казанцев развязка событий, что делает возможным рассмотрение оригинального цикла С. Юзеева как литературы, созданной в русле альтернативной истории, как текста, в котором посредством сказочной фантастики вытесняется реальная национальная трагедия. Композиционная структура цикла включает вступление, в котором автор пишет о любви взрослых и детей к сказкам и их роли в культуре, собственно, 7 сказок, содержательно и сюжетно связанных друг с другом, и небольшое заключение, закольцовывающее повествование. Каждая последующая сказка связана с предыдущей сюжетно, комментирует и продолжает ее, и это позволяет говорить о связи текста С. Юзеева с традициями восточных сказочных циклов, тем более что в других произведениях писателя (например, в повести «Сквозняк тишины», романе «Не перебивай мертвых») эти восточные повествовательные стратегии проявляются весьма отчетливо.

Параграф 3.4. «Малая проза Р. Сабирова» посвящен рассмотрению малой прозы (рассказов) Рустема Сабирова. Малая проза писателя тематически разнообразна и сложна. Автор обращается как к исторически давно прошедшим эпохам (времена испанской инквизиции в рассказе «Гравер», японского сегуната в рассказе «Бездна» и др.), так и к современности, при этом в произведениях сложно сочетаются

²³ Эпштейн М.Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006. С. 179.

реалистические компоненты и магико-мистические, как правило, вызванные внезапным переходом от одного состояния существования к другому или неким откровением, узнаванием скрытой тайны существования (витальное-мортальное; реальные люди – их души, призраки). Для писателя характерно обращение к некоторым традициям магического реализма как на уровне архитектурного устройства произведений (усложненная композиционная структура, совмещение различных пространственно-временных континуумов, усложнение хронотопа), так и на уровне микропоэтики, тем и мотивов (проблематика мортальности, экзистенциальная опустошенность в восприятии мира, магия как перерождение, воскрешение душ и возвращение душ из мира мертвых).

Глава 4 «Романы Альбины Нурисламовой (А. Нури), Шамиля Идиатуллина и Гузели Яхиной. (Особенности функционирования хронотопа. Синтез искусств. Мировой литературный контекст)» состоит из пяти параграфов.

Параграф 4.1. «Роман А. Нурисламовой (А. Нури) “Пассажир своей судьбы”» посвящен анализу романа «Пассажир своей судьбы», в котором отчетливо прочитывается влияние традиции магического реализма. Магическая реальность создается в произведении разными средствами. На уровне макропоэтики – различными трансформациями пространственно-временных координат, снов, воспоминаний, фрагментарностью повествования, которые усложняют художественную реальность произведения, с одной стороны, а с другой стороны, обнаруживают связь с эстетикой восточного повествовательного дискурса. На уровне микропоэтики – отдельными эпизодами, связанными с пониманием судьбы и сказочными персонажами. Связи с романами Г. Гарсиа Маркеса, М.А. Астуриаса, С. Рушди, Г. Казака говорят о влиянии на роман А. Нурисламовой (А. Нури) эстетики магического реализма. А. Нурисламова изображает не только начинающего писателя, художника слова, глубоко чувственно воспринимающего окружающую действительность, но и пытается показать, в

чем состоит тайна, загадка самого процесса творчества, те причины, которые заставляют человека писать.

Параграф 4.2. «Роман А. Нурисламовой (А. Нури) “Пятый неспящий”» посвящен анализу отдельного романа А. Нурисламовой, который, с одной стороны, благодаря композиционной структуре актуализирует восточные повествовательные стратегии, а с другой стороны, отличается сильной экзистенциальной направленностью, вводит проблематику мортального. Нужно отметить, что писатель часто обращается к проблематике танатологического, которая может быть задана, как эксплицитно, в поэтике названия произведения (романы «Город мертвецов», «Дорога в мир живых», «Глоток мертвой воды», «Погребенные за мостом»), так и имплицитно, в мотивной, композиционной структуре произведения (роман «Пассажир своей судьбы»). Экзистенция смерти является одной из организующих роман констант, она просматривается на разных уровнях произведения, становясь значимым художественным переживанием. Эстетика мортальности задает композиционную структуру романа, прочитывается как сложное взаимодействие различных мотивов и образов, связанных как с литературной, так и с фольклорной традициями, дает возможность рассмотреть роман как продолжение традиций магического реализма, так и определенных традиций татарской литературы.

Параграф 4.3. «Сербский текст в романах А. Нурисламовой (А. Нури)» посвящен преломлению сербского текста в таких романах А. Нурисламовой, как «Тот, кто стоит снаружи», «Черные души праведников», «Плачущий лес», «Погребенные за мостом». В романах А. Нурисламовой образ Сербии представляется по-разному. С одной стороны, указываются те или иные характерные географические реалии, основные точки на туристической карте, важные места, в которые либо хотят попасть, либо попадают прибывшие в Сербию. С другой стороны, даются определенные национальные реалии, бытовые подробности, для характеристики которых используются вкрапления иностранных (сербских)

слов и выражений. Особый интерес представляет репрезентация Сербии через народные мифологические представления, благодаря которым усиливается национальный колорит романов, определенные мотивы (мотив Луны, мотив волка Вука), возможно, позволяют говорить о своеобразном преломлении сербского текста русской литературы, в более частном случае – сербского текста русскоязычной литературы. На страницах романов А. Нурисламовой Сербия, по большей части, описывается как контрастная страна, в которой органично соединяются волшебное, чарующее и умиротворяюще-спокойное течение бытия и жуткий, пугающий мир народных представлений, смертельных опасностей, поджидающий путешественников.

Параграф 4.4. «Роман Ш. Идиатуллина “Последнее время”» посвящен анализу романа Шамиля Идиатуллина «Последнее время». Отмечается, что произведение имеет сложную жанровую природу. С одной стороны, в нем трагедийно переосмысляются черты авантюрно-плутовского романа, авантюрного романа испытания. С другой стороны, в романе можно выделить черты литературной сказки, сюжетную линию, реализованную с опорой на основные признаки литературной сказки, однако традиции литературной сказки переосмысляются писателем трагедийно. В романе Ш. Идиатуллина «Последнее время», рассказывающем о событиях, предшествующих образованию древнего государства Итиль, проблематика времени раскрывается на разных уровнях организации текста. Писатель изображает различные модели времени (циклическая, линейная) и восприятие глобального времени различными народами, упоминаемыми в произведении (франки, гелы, мары, кочевники), как времени катастрофы, крушения существующего миропорядка. Рассматриваются интертекстуальные связи романа с произведениями Габриэля Гарсиа Маркеса («Сто лет одиночества», «Проклятое время»). Представления о времени как о последнем, катастрофическом влияют на восприятие своего и чужого мира, своей и чужой земли, а границы, как территориальные, так и ментальные,

начинают переосмысляться, что приводит к началу боевых действий, затрагивающих все народы.

На уровне макропоэтики (пространственно-временной организации) рассматривается восприятие окружающей действительности народом колдунов мары, связанные с этим представления о приметах, устройстве пантеона богов. На уровне микропоэтики (образов, мотивов) более подробно исследуется образ одной из героинь романа, мары Айви, который отсылает к образу девы Юмынудыр марийских мифологических представлений. По мнению Юрия Калиева, Юмынудыр – «первый антропоморфный образ в полотне астральной модели мира мари»²⁴. Однако, если образ Юмынудыр в марийской мифологии связывается с высшим личностным началом культуры, то в романе Ш. Идиатуллина образ Айви, во многом наследуя черты и функции мифологического божества, наделяется совершенно новыми, несвойственными ему изначально чертами: Айви становится защитницей своего народа, девой-воительницей, уничтожающей чужаков, вторгшихся на ее родную землю. Также в параграфе анализируется кинематографическая техника, создающая динамизм и вводящая ритмизацию в художественную канву произведения.

Параграф 4.5. «Романы Г. Яхиной “Дети мои”, “Зулейха открывает глаза”» посвящен рассмотрению двух романов Гузели Яхиной. Однако, если роман «Дети мои» анализируется с точки зрения преломления традиций магического реализма и соотнесению эстетик магического реализма и соцреализма более подробно, то в романе «Зулейха открывает глаза» кратко выделяются лишь черты поэтики, что связано с большим количеством исследований, которые приводятся в диссертационном исследовании. В романах Г. Яхиной актуализируется проблематика исторической памяти, травматического опыта, как в индивидуально-личной, так и в общественной перспективе. Особая роль отводится кинематографической технике,

²⁴ *Калиев Ю.А.* Мифы марийского народа. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2019. С. 139.

кинематографическим приемам, проявляющихся как на уровне микропоэтики (особое синтаксическое устройство фраз, детализация, фокализация), так и на уровне макропоэтики (киноприемы способствуют соединению различных пространственно-временных континуумов в цельное полотно повествования).

В **Заключении** обобщаются результаты исследования, формулируются его основные выводы:

Обобщая результаты диссертационного исследования, можно сделать следующие выводы:

Творчество русскоязычных татарских писателей – С. Юзеева, Р. Сабирова, Ш. Идиатуллина, А. Нурисламовой (А. Нури), Г. Яхиной введено в научный оборот. В ходе анализа их произведений выделены специфические черты магического реализма в русскоязычной прозе татарских писателей, к которым можно отнести:

— усложнение хронотопа: взаимосвязь различных пространственно-временных континуумов, хрономиражей;

— использование конструкций «текст в тексте», возрастающая роль рекурсивной повествовательной техники;

— особая роль пролога, начала повествования, в котором предвосхищается значимая часть дальнейшего сюжета;

— реализация идей синтеза искусств (интермедийных практик) на разных уровнях повествования;

— использование образов, имеющих магический, мистический смысл (зеркало, окно, поезд);

— возрастающая роль тематики, проблематики экзистенциального кризиса, смертности.

Магия, с давних пор присутствующая в жизни, как отдельного индивида, так и социума, вновь получает импульс к дальнейшему развитию на современном историческом этапе. С одной стороны, обращение к магии, как к способу описания и познания мира, окружающей действительности,

дает возможность индивиду найти внутреннюю точку опоры, обрести гармонию в мире, в котором привычные установки и принципы начинают разрушаться; с другой стороны, обращение к подобным практикам становится маркером глубокого экзистенциального кризиса. Пограничная литература, к которой можно отнести русскоязычную татарскую литературу, включающую в себя различные фольклорные и литературные традиции, становится более восприимчивой к подобным социо-культурным изменениям, более чувствительной к экзистенциальным трансформациям.

Идеи, высказанные Францем Ро применительно к европейскому искусству 1920-х годов, находят подтверждение в современности, поскольку, с одной стороны, словесное искусство становится более восприимчиво к наследию других, чужих, ментально далеких культур и цивилизаций, почти искусством рецепции, с другой стороны, актуализация проблематики экзистенциального кризиса, танатологического кода репрезентации окружающей действительности связывается с ощущением чудесного и верой в чудо, вызывает ощущение ужаса, неустойчивости, шаткости этой действительности. Смерть присутствует в большей части произведений русскоязычных татарских писателей, обращающихся к поэтике магического реализма, она задает особый ракурс восприятия как окружающей действительности, отражаемой в текстах, так и глубинных основ бытия. Изображаемый мир наделяется крайней неустойчивостью, шаткостью, болезненной трагедийностью, также подчеркивается его ценность, поскольку грань жизни слишком тонка, а смерть почти преследует героев, которые так или иначе оказываются в ее пространстве (романы А. Нурисламовой /А. Нури/, С. Юзеева, Г. Яхиной, Ш. Идиатуллина). Антивитальность, вызванная неприятием жестокости окружающей действительности и эгоизма людей, становится возможностью спасения, поскольку помогает бесследно исчезнуть в мире (рассказ Р. Сабирова «Метельная арка»). Инфернальный мир духов, призраков, душ присутствует в логически определяемом мире, а взаимодействие с этим миром может как спасти, так и погубить.

Интенции магического реализма обнаруживаются в различных литературах народов мира, наделяя явление специфическими чертами, характерными для каждого региона. Включение фольклорного и мифологического материала, отображающее своеобразие национального, которое так или иначе ведет сложный и противоречивый диалог с чужим и другим, способствует предельному расширению творческого потенциала авторов, творящих в русле выбранного направления.

Магический реализм связывается с наследием далеких, как в географическом, так и в ментальном плане культур, которые, несмотря на свою отдаленность, становятся источником вдохновения, могут дать возможность акцентировать внимание как на своем, так и на чужом опыте бытия (различное восприятие татарской и индейских деревень в романе С. Юзеева «Не перебивай мёртвых»).

Благодаря магическому реализму писатели получают возможность говорить о сложной проблематике, связанной с историческим наследием прошлого. При этом прошлое не отвергается, а, наоборот, принимается таким, каким оно было или казалось бывшим автору. Травматический опыт изживается, хотя проговаривание и акцентирование трагического воспринимается некоторыми авторами болезненно (например, в творчестве Г. Яхиной).

В этнокультурном плане магический реализм связывается с проблематикой границы и пограничья, которые могут выражаться по-разному в произведениях. Пограничье может представляться как сложное взаимодействие различных видов искусств, интермедийных практик и стратегий, актуализировать определенные текстовые построения (конструкции «текст в тексте», усложненная рекурсивная повествовательная техника). С другой стороны, граница связывается с различными этнокультурными общностями, взаимодействующими друг с другом в определенном пространственно-временном континууме, например, в Поволжье. Сложные контакты народов в различные исторические эпохи,

показанные в произведениях русскоязычных татарских писателей (например, С. Юзеев «Казанские сказки», Ш. Идиатуллин «Последнее время»), отображаются с особой сказочной имманентностью, которая заставляет вспомнить слова В.О. Ключевского, утверждавшего, что «сказка бродит по всей нашей истории»²⁵.

У русскоязычных татарских писателей, творящих на стыке различных культур и традиций, обращение к магическому реализму получает реализацию в различных жанрах (роман, повесть, рассказ, цикл литературных сказок). Писатели, благодаря идеям различных искусств, так или иначе воплощенных в произведениях, создают сложный художественный мир, значимыми в котором становятся дихотомии философского характера (жизнь – смерть; добро – зло; звук – тишина и т. п.). Изображаемый в произведениях художественный мир предельно визуализируется благодаря использованию кинематографических приемов, кинематографического начала, а также живописного начала. Живописное начало, проявляющееся в использовании экфрасиса и цветописи, как будто вновь заставляет вспомнить о работе Франца Ро, в которой рассматривалась живопись, в том числе возможности цветового спектра полотен современных исследователю художников.

Перспектива дальнейшего исследования видится в рассмотрении специфики и функционирования магического реализма в русскоязычных произведениях национальных писателей Поволжья и других регионов Российской Федерации, сложного взаимодействия разных культурных традиций, которые актуализирует поэтика магического реализма.

²⁵ Ключевский В.О. Афоризмы и мысли. 1880–1905. – URL: <https://proza.ru/2014/02/14/2076> (дата обращения: 04.05.2023).

**Основное содержание диссертации отражено
в следующих публикациях:**

***Публикации в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК
при Министерстве науки и высшего образования РФ***

1. *Монисова И.В., Сырысева Д.Ю.* О музыкальном компоненте в романе С. Юзеева «Не перебивай мертвых» // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2017. № 6. С. 163–170.

2. *Сырысева Д.Ю.* Тишина в образной системе повести С. Юзеева «Сквозняк тишины» // ФИЛОЛОГОС. Елец: Издательство Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. 2021. Выпуск 1 (48). С. 68–73.

3. *Сырысева Д.Ю.* Магическая реальность в романе А. Нури «Пассажир своей судьбы» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2021. Т. 31 № 6. С. 1319–1323.

4. *Сырысева Д.Ю.* Экзистенциальное осмысление прошлого в повести Н.Е. Дьячковой «Исповедь исчезнувших» // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 4. С. 67–72.

Публикации в других научных изданиях

5. *Монисова И.В., Сырысева Д.Ю.* Роман Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых» как проза кинематографиста // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. Симферополь: Издательство Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, 2018. № 3 (23). С. 37–43.

6. *Сырысева Д.Ю.* Музыкальные мотивы в структуре романа Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2018» // Отв. ред.

И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2018.

7. *Сырысева Д.Ю.* Образ «другой реальности» в современной татарской прозе (на материале рассказов Р. Сабирова «Окно» и С. Юзеева «Те самые деньги») // Филология. 2019. № 5 (23). С. 22–25.

8. *Сырысева Д.Ю.* Специфика изображения исторических событий в романе Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых» // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2019. № 2. С. 84–88.

9. *Сырысева Д.Ю.* Казанские сказки Салавата Юзеева в контексте литературно-сказочной традиции // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2019» / Отв. Ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2019.

10. *Сырысева Д.Ю.* Традиции магического реализма в романе С. Юзеева «Не перебивай мертвых» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2020» [Электронный ресурс] / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. – М.: МАКС Пресс, 2020. Режим доступа: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/index.htm

11. *Сырысева Д.Ю.* «Казанские сказки» Салавата Юзеева в контексте литературно-сказочной традиции // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2021. № 1. С. 70–74. DOI: 10.18101/2686-7095-2021-1-70-74.

12. *Сырысева Д.Ю.* Нужен ли Еве Адам? Формы брака по В.И. Крыжановской (роман «Рай без Адама», 1898) // Артикуляция: Литературно-художественный альманах. Вып. 13 (Декабрь 2020) [Электронный ресурс] / Отв. ред. Т. Бонч-Осмоловская, А. Голубкова, Г.-Д. Зингер, Е. Риц. Режим доступа: <http://articulationproject.net/13-22-12-2020>.

13. *Сырысева Д.Ю.* Трансформация марийских мифологических представлений в романе Шамиля Идиатуллина «Последнее время» [Материалы XI Международной научной конференции аспирантов и молодых ученых «Научные школы Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН: к 90-летию ИМЛИ» (14–15 июня 2022 г.)] // Новые российские гуманитарные исследования. 2022. Т. 17. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nrgumis.ru/articles/archive/2022-tom-17/materialy-xi-mezhdunarodnoy-nauchnoy-konferentsii-aspirantov-i-molodykh-uchenykh-nauchnye-shkoly-ins/>